The background of the cover is a dark blue color. Overlaid on this background are several stylized pine branches, rendered in a light, almost white color. The branches are composed of numerous fine, needle-like lines radiating from central points, creating a dense, textured appearance. The branches are arranged in a somewhat circular pattern, filling most of the cover area.

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ
ДОРОГА И СУДЬБА

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

ДОРОГА И СУДЬБА

КНИГА СТИХОВ

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1967**

«Дорога и судьба» — третья книга стихов Варлама Шаламова.

Поэзия В. Шаламова привлекает глубоко заложенным в ней философским началом, достоверностью наблюдений, «взвешенностью» слова.

Круг интересов поэта разнообразен: в книге — стихи о природе, которая для В. Шаламова неотделима от человека, раздумья о поэзии, о судьбе художника, стихи о Москве, о Севере.

Большинство стихов новой книги поэта было опубликовано в периодике.

Художник А. С. Шервинская

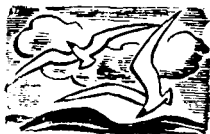

* * *

Я вовсе не бежал в природу,
Наоборот —
Я звезды вызвал с небосвода,
Привел в народ.

И в рамках театральных правил
И для людей
В игре участвовать заставил
Лес-лицедей.

Любая веточка послушна
Такой судьбе.
И нет природы, равнодушной
К людской борьбе.

ПОЭЗИИ

Если сил не растрочу,
Если что-нибудь значу,
Это сила и воля — твоя.

В этом — песни значенье,
В этом — слов обличенье,
Немудреный секрет бытия.

Ты ведешь мою душу
Через море и сушу,
Средь растений, и птиц, и зверей.

Ты отводишь от пули,
Ты приводишь июли
Вместо вечных моих декаблей.

Ищешь верного броду,
Тащишь свежую воду
К моему пересохшему рту.

И с тобой обрученный,
И тобой облученный,
Не боясь, я иду в темноту.

И на небе — зарницы,
Точно перья жар-птицы
Неизвестных еще островов.

Это — мира границы,
Это — счастья крупницы,
Это — залежь сияющих слов.

КРИСТАЛЛЫ

Стекло обледенело,
Блестит резная запись,
В ночной метели белой
Скитается анапест.

Летят снежинки-строфы,
Где ямбы и хорей,
Как блески катастрофы
Разгрома в эмпирее.

Их четкое строенье
Еще с времен Гомера —
Точь-в-точь стихотворенье
Старинного размера.

Един закон сцепленья,
Симметрии вселенной,
Сложенья и деленья
И четкости отменной.

Снег падает устало,
Снежинки давят плечи,
Стихи — это кристаллы,
Кристаллы нашей речи.

* * *

В дожде слетают нити света
Рыбачью шелковую сеть.
И словно сети, капли эти
Способны в воздухе висеть.

И дождик сыплется, как пудра,
На просветленную траву,
И перламутровое утро
Трясет намокшую листву.

И лес рассыплет тот стеклярус,
Весь бисер на землю стряхнет
И, распрямив зеленый парус,
Навстречу солнцу поплывет.

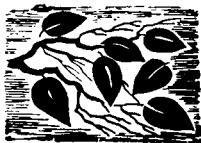
КРУГОВОРОТ

По уши в соленой пене,
В водяной морской пыли,
Встанут волны на колени,
Поцелуют край земли.

Прощались с берегами
И родной забыли дом...
Кем вернетесь вы? Снегами?
Или градом и дождем?

Нависающим туманом,
Крупнозвездною росой,
Неожиданным бураном
Над прибрежной полосой...

И в земном круговороте,
Хладнокровие храня,
Вы опять сюда придете,
Очевидно, без меня.

Я иду, отражаясь в глазах москвичей,
Без ненужного шума, без лишних речей.

Я иду — и о взгляд загорается взгляд,
Магнетической силы мгновенный разряд.

Память гроз, отгремевших не очень давно,
Заглянула прохожим в зрачок, как в окно.

Вдоль асфальта мои повторяет слова
Победившая камень живая трава.

Ей в граните, в гудроне привычно расти —
Камень сопки ложился у ней на пути.

И навек вдохновила траву на труды
Непомерная сила земли и воды,

Вся чувствительность тропки таежной, где след
Иногда остается на тысячу лет.

* * *

Когда после разлуки
И сам еще не свой,
Протягивая руки,
Встречаюсь я с Москвой,—

Резины и бензина
Блаженство и уют,
Шуршат, щебечут шины,
Как зяблики поют.

На площади вокзальной,
Где стук, и крик, и звон,
Сливают в музыкальный,
Как бы единый тон.

Удерживая слезы,
На площади стою
И по старинной позе
Свой город узнаю.

Московский гул и грохот,
Весь городской прибой
Велением эпохи
Сплетен с моей судьбой.

* * *

Не удержал усилием пера
Всего, что было, кажется, вчера.

Я думал так: какие пустяки!
В любое время напишу стихи.

Запаса чувства хватит на сто лет —
И на душе неизгладимый след.

Едва настанет подходящий час,
Воскреснет все — как на сетчатке глаз.

Но прошлое, лежащее у ног,
Просыпано сквозь пальцы, как песок,

И была живая поросла быльем,
Беспамятством, забвеньем, забытьем...

ТРОПА

Тропа узка? Не спору.
Извилиста? Зато
Она выходит к морю,
На горное плато.

Натыканы цветочки
Нездешней красоты
В пружинящие кочки,
В железные кусты.

Чрезмерно сыровата,
По мнению людей,
Набухла мокрой ватой
От слез или дождей.

Чего уж старомодней
Одежда ей дана,
Листою прошлогодней
Засыпана она.

И хвои толстым слоем
Заглушены шаги,
И дышит все покоем,
Распадками тайги.

Вся выстланная мхами,
Безмолвие храня,
Тропа живет стихами
Со мной и для меня.

* * *

Вот солнце в лесной глухомани
Течет в ледяное окно.
И кажется — сыплют в тумане
С небес золотое пшено.

В лесу, возле каждой тропинки,
На жестком и рыхлом снегу
Рассыпаны эти крупинки,
И я их собрать не могу.

СТИХИ В ЧЕСТЬ СОСНЫ

Н. Я. Мандельштам

Я откровенней, чем с женой,
С лесной красавицей одной.

Ты, верно, спросишь, кто она?
Обыкновенная сосна.

Она не лиственница, нет,—
Ее зеленый мягкий свет

Мне в сердце светит круглый год,
Во весь земной круговорот.

В жару и в дождь, в пургу и в зной
Она беседует со мной,

И затаилась теплота
В иголках хвойного листа,

В ее коричневой коре,
С отливом бронзы на заре,

Где бури юношеских лет
Глубокий выщербили след,

Где свежи меты топора,
Как нанесенные вчера.

И нет секретов между мной
И этой бронзовой сосной,

И слушать нам не надоест
Все, что волнуется окрест.

Конечно, среди ее ветвей
Не появлялся соловей,

Ей пели песни лишь клесты,
Поэты вечной мерзлоты,

Зато любой полярный клёст
Тянулся голосом до звезд.

Среди всякой нечисти лесной
Она одна всегда со мной.

И в целом мире лишь она
До дна души огорчена

Моею ранней сединой,
Едва замеченной женой.

Когда зловещая метель
Стелила смертную постель,

Мне ветку бросила она,
В снегу стоявшая сосна,

И наклонилась надо мной
Во имя радости земной,

Меня за плечи обняла,
И снова к бою подняла,

И новый выточила меч,
И возвратила гнев и речь,

И, прислонясь к ее стволу,
Я поглядел смелей во мглу,

И лес, не видевший чудес,
Поверил в то, что я — воскрес.

Теперь ношу ее цвета
В раскраске шарфа и щита.

Сияют ясной простотой
Зеленый, серый, золотой.

Я полным голосом пою,
Пою красавицу свою,

Пою ее на всю страну,
Обыкновенную сосну.

* * *

Он пальцы замерзшие греет,
В ладонь торопливо дыша,
Становится все быстрее
Походка карандаша.

И вот, деревянные ноги
Двигая, как манекен,
По снегу, не помня дороги,
Выходит на берег к реке,

Идет к полынье, где течение
Ускорили родники.
Он хочет постигнуть значенье
Дыхания зимней реки.

И хриплым, отрывистым смехом
Приветствует силу свою.
Ему и мороз не помеха,—
Морозы бывают в раю.

* * *

Я сегодня очень рад,
Что со мной и свет, и чад,
И тепло костра.

И махорочный дымок
Проползает между строк,
Вьется у пера.

По бревну течет смола,
И душиста и бела,
Будто мир в цвету!

И растущий куст огня
Пышет жаром на меня,
И лицо в поту.

Пальцы вымажу смолой,
Хвойной скользкою иглой
Вычерчу узор.

Снег. Огонь. Костлявый лес.
Звездный краешек небес
Над зубцами гор.

* * *

Я, как рыба, плыву по ночам,
Поднимаясь в верховья ключа.

С моего каменистого дна
Мне небес синева не видна.

Я не смею и двинуться дном
Разговорчивым, сумрачным днем.

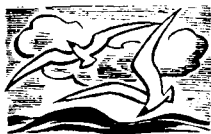
И, засыпанный донным песком,
Не могу шевельнуть плавником.

Пусть пугает меня глубина,
Я, пока пролетает волна,

Постою, притаившись в кустах,
Пережду набегающий страх.

Так, течению наперерез,
Поднимаюсь почти до небес,

Доплыву до истоков реки,
До истоков моей тоски.

* * *

Модница ты, модница,
Где ты теперь?
Как живется, ходится,
Гуляется тебе?

По волнам бегущая
Через все моря,
Любимая, лучшая,
Милая моя.

В море ли, на острове,
В горе ли, в беде —
Платья твои пестрые
Видятся везде.

Следом горностаевым
Прыгаешь в снегах,
Со снежинкой, тающей
На сухих губах.

Брезгуя столицами,
В летнюю грозу
Скачешь синей птицею
По ветвям в лесу.

И на перьях радуга,
И в слезах глаза...
Повидаться надо бы
Дóнельзя — нельзя!

1940

* * *

Цветка иссушенное тело
Вторично встретилось с весной,
Оно худело и желтело,
Дрожа под коркой ледяной.

Все краски смыты, точно хлором
Белили пестрые цветы,
Остались тонкие узоры —
Растенья четкие черты...

И у крыльца чужого дома
Цветок к сырой земле приник —
Обыкновенная солома,
Что может вспыхнуть каждый миг.

* * *

У деревьев нет уродов,
У зверей уродов нет,
Безупречна птиц порода,
Соразмерен их скелет.

Даже там, в камнях пустыни,
В беспорядке диких скал
Совершенством мягких линий
Подкупает минерал.

СТЛАНИК

Л. Пинскому

Ведь снег-то не выпал. И, странно
Волнуя людские умы,
К земле пригибается стланик,
Почувствовав запах зимы.

Он в землю вцепился руками,
Он ищет хоть каплю тепла.
И тычется в стынущий камень
Почти неживая игла.

Поникли зеленые крылья,
И корень в земле — на вершок!..
И с неба серебряной пылью
Посыпался первый снежок.

В пугливом своем напряженье
Под снегом он будет лежать.
Он — камень. Он — жизнь без движенья,
Он даже не будет дрожать.

Но если костер ты разложишь,
На миг ты отгонишь мороз,—
Обманутый огненной ложью,
Во весь распрямляется рост.

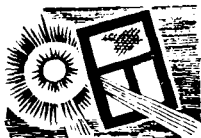
Он плачет, узнав об обмане,
Над гаснущим нашим костром,
Светящимся в белом тумане,
В морозном тумане лесном.

И, капли стряхнув, точно слезы,
В бескрайность земной белизны,
Он, снова сраженный морозом,
Под снег заползет — до весны.

Земля еще в замети снежной,
Сияет и лоснится лед,
А стланик зеленый и свежий
Уже из-под снега встает.

И черные, грязные руки
Он к небу протянет — туда,
Где не было горя и муки,
Мертвящего грозного льда.

Шуршит изумрудной одеждой
Над белой пустыней земной.
И крепнут людские надежды
На скорую встречу с весной.

* * *

Когда рождается метель
На свет,
Качает небо колыбель
Примет.
И связки звезд и облака
Вокруг
Кружатся волей ветерка,
Мой друг.
Бежит поземка возле ног,
Спеша,
И лезет в темный уголок
Душа.
Ты не оценишь этот мир
В снегу,
Зачитанную мной до дыр
Тайгу.
А мне вершина скал —
Маяк,
Они — и символ, и сигнал,
И знак.

НЕИЗВЕСТНАЯ ГОРА

Земля, рожденная из пламени,
Из вулканических пород,
Нам не казалась мертвой, каменной,
Мы видели — она живет.

Так безымянная, незваная,
Она стояла у стола,
Пока давали ей название,
Чтобы взорвать ее — дотла.

* * *

Высокий, текучи, глубокий
Голубые дальние пески.

Облака — подобие холстин,
Небеса — подобие пустынь.

Море — будто небо, а земля —
Место для движенья корабля.

Всю-то ночь плетется караван
Через тот песчаный океан.

Звезды, как копытные следы,
Нас ведут через пески и льды.

БАРАТЫНСКИЙ

Мы втроем нашли находку —
Одинокий рваный том,
Робинзоновой походкой
Обходя забытый дом.

Мы друзьями прежде были,
Согласились мы на том,
Что находку рассудили
Соломоновым судом.

Предисловье — на сигарки, —
Первый счастлив был вполне
Неожиданным подарком,
Что приснится лишь во сне.

Из страничек послесловья
Карты выкроил второй —
Пусть на доброе здоровье
Занимается игрой.

Третья часть от книги этой —
Драгоценные куски —
Позабывтого поэта
Вдохновенные стихи.

Я своей доволен частью
И премудрым горд судом,
Это было просто счастье —
Заглянуть в забытый дом.

* * *

Зелень пьет лучи все лето,
Но лишь к августу она
Этим желтым солнца светом
Досыта напоена.

Отнимая солнца силу,
Зелень будет пламенеть,
Заставляя побледнеть
Утомленное светило.

БИВЕНЬ

Когда утих стодневный ливень
И горы обрели язык,
Явился мамонтовый бивень,
Камнями выбеленный клык.

Он найден был в ущельях голых,
Едва расчищен был обвал,
И рассудительный геолог
Его сокровищем назвал.

И бивень древностью пещерной
В людской отправится музей,
Чтобы судьбой его ущербной
Залюбовался ротозей.

Чтоб по единой кости этой
Определялась бы без слов
Вся крепость мощного скелета,
Вся сила мускульных узлов.

Тот мамонт выл, дрожа всем телом,
В ловушке для богатырей,
Под визг и свист осатанелый
Полулюдей, полузверей,

Чьи сохли рты от жажды крови,
Чьи междометья, не слова,
Летели в яму в хриплом реве,
В косноязычье торжества.

Он, побиваемый камнями,
И не мудрец и не пророк,
А просто мамонт в смертной яме,
Трубящий в свой Роландов рог,

Он звал природу на подмогу,
И сохло русло у реки,
И через горные отроги
Перемещались ледники.

ОТВЕС

Капели, вешние капели,
Сосульки, рухнувшие вдруг,
Как будто в тигеле апреля
Расплавлены остатки вьюг.

Прообраз вертикальных линий,
Природой спущенный с небес,
С той высоты безмерно синей,—
Простой строительный отвес.

НЕРЕСТ

Н. Столяровой

Закон это иль ересь,
Ненужная морям,
Лососей ход на нерест
Средь океанских ям.

Плывут без карт и лоций
И по морскому дну
Ползут, чтоб побороться
За право быть в плену.

И в тесное ущелье
Ворваться, чтоб сгореть —
С единственной целью:
Цвести — и умереть.

Плывут не на забаву,
Плывут не на игру,
Они имеют право
В ручье метать икру.

И оплодотворенья
Немой великий миг
Войдет в стихотворенье,
Как боль, как стон и крик.

У нерестилищ рыбьих,
Стремясь в родной ручей,
Плывут, чтобы погибнуть
На родине своей.

И трупы рыб уснувших
Видны в воде ручья —
Последний раз блеснувших
Мертвеет чешуя.

Их здесь волна качала
И утопила здесь,
Но высшее начало
В поступках рыбьих есть.

И люди их не судят —
Над чудом нет судей,—
Трагедий рыбьих судеб,
Неясных для людей.

Кипит в ручье рожденья
Лососей серебро,
Как гимн благодаренья,
Прославивший добро.

ГОРНЫЙ ВОДОПАД

Ручей мнит себя самолетом,
А русло — дорожка для взлета.

Он в небо поднялся с разбега
Среди почерневшего снега.

Уверен ручей этот горный,
Что он — обтекаемой формы.

И в небо он смело взлетает,
Но только секунду блистает,

И видит, охваченный страхом,
Что он рассыпается прахом,

Что он, возмечтавший о звездах,
Разбился о каменный воздух.

Он в пыль превращен водяную
И ищет дорогу земную.

Разбитый на капли, на брызги,
Он падает в реве и визге.

Чтоб каждую каплею малой
Долбить побережные скалы.

РАКОВИНА

Я вроде тех окаменелостей,
Что появляются случайно,
Чтобы доставить миру в целости
Геологическую тайну.

Я сам — подобье хрупких раковин
Былого высохшего моря,
Покрытых вычурными знаками,
Как записью о разговоре.

Хочу шептать любому на ухо
Слова давнишнего прибоя,
А не хочу закрыться наглухо
И пренебречь судьбой любюю.

И пусть не будет обнаружена
Последующими веками
Окаменевшая жемчужина
С окаменевшими стихами.

* * *

Ведь мы не просто дети
Земли,—
Тогда бы жить на свете
Мы не могли.
В родстве с любым — и звезды,
И облака,
Необходимая, как воздух,
Река.
И в горле — песни птичьей
Подчас тона,
И кажется сугубо личной
Луна.

НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА РИФМЫ

Л. Тимофееву

Инструмент для равновесья
Неустойчивости слов,
Укрепленный в поднебесье
Без технических основ.

Ты — провиденье Гомера,
Трубадуровы весы,
Принудительная мера
Поэтической красы.

Ты — сближение мысли с песней,
Но, в усилиях вековых,
Ты сложнее и чудесней
Хороводов звуковых.

Ты — не только благозвучье,
Мнемонический прием,
Если с миром будет случай
Побеседовать вдвоем.

Ты — волшебная наука
Знать, что мир в себе хранит.
Ты — подобье ультразвука,
Сверхчувствительный магнит.

Ты — разведки вдохновенной
Самопишущий прибор,
Отразивший всей вселенной
Потаенный разговор.

Ты — рефлекс прикосновенья,
Ощущенье напоказ,
Сотой долей мгновенья
Ограниченный подчас.

Ты ведешь магнитный поиск
Заповедного следа
И в метафорах по пояс
Увязает иногда.

И, сменяя звуки, числа,
Краски, лица, облака,
Озаришь глубоким смыслом
Откровенье пустяка.

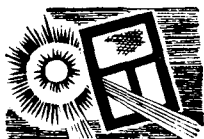
Чтоб достать тебе созвучья,
Скалы колются в куски,
Деревя склоняют сучья
Поперек любой строки.

Все, что в памяти бездонной
Мне оставил шар земной,

Ты машиной электронной
Поднимаешь предо мной.

Чтоб сигналы всей планеты,
Все пространство, все века
Уловила рифма эта,
Зарожденная строка.

Поводырь слепого чувства,
Палка, сунутая в тьму,
Чтоб нащупать путь искусству
И уменью моему.

О ПЕСНЕ

1

Пусть по-топорному неровна
И не застругана строка,
Пусть неотесанные бревна
Лежат обвязкою стиха,—

Тепла изба моих зимовок —
Одноэтажный небоскреб,
Сундук неношенных обновок,
Глубоко спрятанный в сугроб,

Где не чужим, заемным светом,
А жарким углем рдеет печь,
Где не сдержать ничьим запретам
Разгорячившуюся речь.

2

И я, и ты, и встречный каждый
На сердце песню бережет,

А жизнь с такою жадной жаждой
Освобожденья песни ждет.

Та песня петь не перестала,
Не потонула в вое вьюг,
И струнный звон сквозь звон металла
Такой же чистый сеет звук.

На чьем пиру ее похмелье?
Каким вином она пьяна?
На новоселье в подземелье
Она тайком приведена.

И может быть, всего уместней,
Во избежание стыда,
И не спрашивать о песне,
И не искать ее следа.

3

Не для анютиных ли глазок,
Не для лобастых ли камней
Я сочинил немало сказок
По образцу Четьих-Миней?

Но все, что я шептал сердечно
Деревьям, скалам и реке,
Все, что звучало безупречно
На этом горном языке,—

Псалмы, элегии и оды,
Что я для них слагать привык —

Не поддаются переводу
На человеческий язык.

Так в чем решение той задачи?
Оно совсем не в пустяках,—
В том, чтоб тетрадь тряслась от плача
В любых натруженных руках.

И чтоб любитель просвещения,
Знаток глазастого стиха,
Ценил узорное тиснение
Зеленой кожи лопуха.

И чтоб лицо бросала в краску
От возмущенья и стыда
Земная горечь русской сказки
Среди беспмятного льда.

4

Весною все кричало, пело,
Река гремела возле скал,
И торопливо, неумело
В подлеске ландыш зацветал.

Но день за днем одно ненастье
И редкий жгучий солнца луч,
Как ослепительное счастье,
Порой выглядывал из туч.

За эти солнечные нити
Цветок цеплялся, как слепой,

И лез туда — в поток событий,
Готовый жертвовать собой.

И кое-как листы расправя,
И солнцу выйдя на поклон,
О славе думать был не вправе,
О слове просто думал он.

5

Так где же песня в самом деле?
Немало стоило труда,
Чтоб разметать слова в метели,
Их завалить кусками льда.

Но песня петь не перестала
Про чью-то боль, про чью-то честь,
У ней и мужества достало
Мученья славе предпочесть.

Она звучит в едином хоре
Зверей, растений, облаков,
Ей вторит Берингово море,
Стихия вовсе не стихов.

И на ветру скрипят ворота
Равнинных старых городов,
И песня выйдет из болота
И доберется до садов.

Пусть сапоги в грязи и глине,
Она уверенно идет,

И рот ее в лесной малине,
Сведенный судорогой рот.

Она оранжевою пылью
Покрыта с ног до головы,
Она стоит таежной былью
Перед заставами Москвы.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

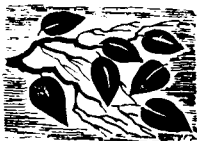
Тороплюсь, потому что старею,
Нынче время меня не ждет,
Поэтическую батарею
Я выкатываю вперед.

Чтоб прицельные угломеры
Добирались до подльца,
Подхалима и лицемера,
Чернокнижника и лжеца.

Не отводит ни дня, ни часа
Торопящееся перо
На словесные выкрутасы,
Изготовленные хитро.

И недаром боятся люди,
Сторонящиеся меня,
Самоходных моих орудий
Разрушительного огня.

Кровь колотит в виски! Скорее!
Смерть не ждет! Да и жизнь не ждет!
Поэтическую батарею
Я выкатываю вперед.

* * *

Осенний воздух чист,
Шумна грачей ночевка,
Любой летящий лист
Тревожен, как листовка

С печатного станка,
Станка самой природы,
Падение листка
Чуть-чуть не с небосвода.

Прохожий без труда
Прочтет в одно мгновенье,
Запомнит навсегда
Такое сообщенье.

Подержит на ветру
Скрещенье тонких линий,
И рано поутру
На листья ляжет иней.

* * *

Он чувствует события кожей.
Что цвет и вкус?
На озарение похожа
Подсказка муз.

Его пространство безвоздушно,
Должна уметь
Одной природе быть послушной
Пластинки медь.

Сожмется, точно aneroid
В деленьях шкал,
Свои усилия утроит,
Ловя сигнал.

И передаст на самописцы
Земной секрет,
Оставит почерком провидца
Глубокий след.

* * *

Загостившаяся совесть
Возвращается домой,
Вот ее простая повесть,
Повесть о себе самой.

Где она пила и ела,
Где любила и спала?
Отчего все мышцы тела
Ноют около тепла?

Все поступки, все уступки
Равнодушны и легки,
И метель свивает в трубки
Старые черновики.

Жить бы мне с холодной кровью,
Рыбой прыгать над волной,
Охраняющей здоровье
Золотой водой речной.

Впрочем, быть не стоит рыбой,
Слишком блещет чешуя,
Лучше уж гранитной глыбой,
Минералом буду я.

Лучше буду камнем гулким
На торцовой мостовой,
На прогулке в переулке
По Москве и под Москвой.

ЛИЦО

Нетрудно изучать
Игру лица актера,
На ней лежит печать
Зубрежки и повтора.

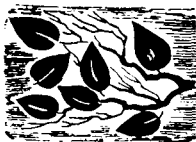
И музыка лица,
Послушных мышц движенье —
То маска подлеца,
То страсти выраженье.

Актер поднимет бровь
Испытанным приемом,
Изобразит любовь
Или разлуку с домом.

Сложней во много раз
Лицом любой прохожий,
Не передать рассказ
Его подвижной кожи.

Случайное лицо,
Где всё — полунамеком...
Морщинное кольцо,
Не замкнутое током...

Понятны лесть и месть,
Холопство и надменность,
Но силы нет прочесть
Лица обыкновенность.

АЛХИМИК

Припоминая путь голгофский,
Очарованье крестных мук,
Он прячет камень философский
В облезлый бабушкин сундук.

В сундук с таким хрустальным звоном
С такой мелодией замка,
Что сходна с человеческим стоном,
Когда безвыходна тоска.

А может, камень тот чудесный —
Простой булыжник иль гранит,
И ни одной звенящей песни
В себе он вовсе не хранит.

Нет, камень — ангельская книга,
Пускай печати изо льда, —
Мы не видали на булыге
Семи печатей никогда.

АРБАЛЕТ

Ребро сгибается, как лук,
И сила многих тысяч рук
Натягивает жилы.

А сердце — сердце как стрела,
Что смело пущена была.
Вот этой самой силой.

Ее внимательный стрелок
Уж не запустит в потолок
В мальчишеском усердьи.

Она сквозь темень и метель
Найдет желаемую цель,
Сразит без милосердия.

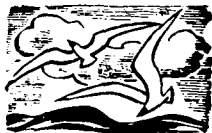

* * *

Взад-вперед между кручами
Ходит ветер колючий,
Раздвигая летучие
Темно-желтые тучи.

А над ними высокое
Небо львиного цвета,
Гром, по-волжскому окая,
Пробирается где-то.

Знаки молнии розовой,
Как связиста петлицы,
Небо, полное грозами,
Хочет ливнем пролиться.

* * *

Я под облачной грядюю,
В улетающем пару,
Над живой морской водою,
Остывающей к утру.

Хорошо ночное лето,
Обезлюдел каждый дом,
Море вечером нагрето,
Утопили солнце в нем.

Потонул в пучине темной
И согрел ее собой
Раскаленный шар огромный,
Закипел морской прибой.

* * *

Я думаю все время об одном —
Убили тополь под моим окном.

Я слышал хриплый рев грузовика,
Ему мешала дерева рука.

Я слышал крики сучьев, шорох трав,
Еще не зная, кто неправ, кто прав.

Я знал деревьев добродушный нрав,
Неоспоримость всяких птичьих прав.

В окне вдруг стало чересчур светло —
Я догадался: совершилось зло.

Я думаю все время об одном —
Убили тополь под моим окном.

* * *

Кровь солона, как вода океана,
Чтоб мы подумать могли:
Весь океан — это свежая рана,
Рана на теле земли.

Помним ли мы, что в подводных глубинах
Кровь у людей — зелена.
Вся в изумрудах, отнюдь не в рубинах,
В гости нас ждет глубина.

В жилах, наполненных влагой соленой,
Мерных ударов толчки,
Бьет океан своей силой зеленой
Пульсом прилива — в виски.

* * *

Я не лекарственные травы
В столе храню,
Их трогаю не для забавы
Сто раз на дню.

Я сохраняю амулеты
В черте Москвы,
Народной магии предметы —
Клочки травы.

В свой дальний путь, в свой путь
недетский
Я взял в Москву —
Как тот царевич половецкий
Емшан-траву,—

Я ветку стланика с собою
Привез сюда,
Чтоб управлять своей судьбою
Из царства льда.

* * *

О. Нсклюдовой

Незащищенность бытия,
Где горя слишком много.
И кажется душа твоя
Поверхностью ожога.

Не только грубостью обид,
Жестокостью суждений,
Тебя дыханье оскорбит,
Неловкий взгляд заденет.

И, очевидно, оттого
Совсем не в нашей воле
Касаться сердца твоего,
Не причиняя боли.

И тяжело мне даже стих
Бросать, почти не целясь,
В тех детских хитростей твоих
Доверчивую прелесть.

ПРИТЧА О ВПИСАННОМ КРУГЕ

Я двигаюсь нынче по дугам,
Я сделался вписанным кругом.

Давно я утратил невольно
Свой облик прямоугольный.

И мне самому непонятно,
Что был я когда-то квадратным.

Я с детства был угловатым,
Во всем и за всех виноватым.

Углы мои — с детства прямые —
Я нес на дороги живые.

Мне было известно заранее:
О камень стираются грани.

Скривился отчетливый угол,
И линия сделалась кругом,

Чтоб легче по жизни катиться,
А главное — не ушибиться.

Искавший ответа у молний,
Я стал осторожно безмолвным.

Всего я касался лишь краем
И стал чересчур обтекаем

В сравнении с бывшим собратом,
С другим неуклюжим квадратом.

Легко пифагорово время
Решило мою теорему.

Решило и доказало,
Со мной не стесняясь нимало.

Модели начерчены вьюгой,
Полярным магическим кругом:

Былого квадрата ненужность
Легко превратилась в окружность.

* * *

Как гимнаст свое упражнение,
Повторяю свой будущий день,
Все слова свои, все движения,
Прогоняю боязнь и лень.

И готовые к бою мускулы
Каждой связки или узла
Наполняются смутной музыкой
Поединка добра и зла.

Даже голос не громче шепота
В этот утренний важный миг,
Вывод жизни, крупица опыта,
Что почерпнута не из книг.

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Все начинается трубой
Достаточно искусной,
Гудит пастушеский гобой
Задумчиво и грустно.

Гобой — начало всех чудес.
В затейливом сравненье
Он — архитектора отвес
Для музыкостроенья.

И весь оркестр духовой,
Дыханье громобоя,
Идет дорогой звуковой
По голосу гобоя.

Напиток звука свеж и чист,
И это знает каждый.
И пьет мелодию флейтист,
Позеленев от жажды.

И геликон ревет, как слон,
Как будто бивни-трубы
Согнуть и свить способен он,
Пока в работе губы.

Хрипун, удушенник — фагот,
Типаж литературный,
И тот дает, разинув рот,
Пассаж колоратурный.

А у кларнета силы нет
И он почти не дышит,
И только охает кларнет
Все тише, тише, тише.

На нотной лестнице тромбон
Споткнулся в нетерпенье,
Он позабыл про камертон,
Про скользкие ступени.

Но дирижеру опыт дан,
Наверное, недаром,
И он взрывает барабан
Рассчитанным ударом.

Гудит струной дощатый пол
И хлопают литавры,
Как будто вышел дискобол
И пожинает лавры.

И сотрясаются окрест
Все горы и все доли,
Покамест духовой оркестр
Играет марш веселый.

СУРИКОВ.
УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

В предсмертных новеньких рубахах,
В пасхальном пламени свечей
Стрельцы готовы лечь на плаху
И ожидают палачей.

Они — мятежники — на дыбе
Царю успели показать
Невозмутимые улыбки
И безмятежные глаза.

Они здесь все одной породы,
Один другому друг и брат,
Они здесь все длиннобороды,
У всех один небесный взгляд.

Они затем с лицом нездешним
И неожиданно тихи,
Что на глазах полков потешных
Им отпускаются грехи.

Пускай намыливают петли,
На камне точат топоры,
В лицо им бьет последний ветер
Земной нерадостной поры.

Они с пророком Пустосвятом
Увидят райский вертоград,
Они бывалые солдаты
И не боятся умирать.

Их жены, матери, невесты
Бесслезно с ними до конца,
Им место здесь — на Лобном месте,
Как сыновьям, мужьям, отцам...

Замешены на том же тесте,
Поют раскольничьи стихи,
Твердят слова любви и мести
И исповедуют грехи.

АВВАКУМ В ПУСТОЗЕРСКЕ

Не в бревнах, а в ребрах
Церковь моя.
В усмешке недоброй
Лицо бытия.

Сложенъем двуперстным
Поднялся мой крест,
Горя в Пустозерске,
Блистая окрест.

Я всюду прославлен,
Везде заклеюмен,
Легендою давней
В сердцах утвержден.

Сердит и безумен
Я был, говорят,
Страдал-де и умер
За старый обряд.

Нелепостен этот
Людской приговор:
В нем истины нету
И слышен укор.

Ведь суть не в обрядах,
Не в этом — вражда.
Для божьего взгляда
Обряд — ерунда.

Мне рушили веру
В дела старины,
Без чести, без меры,
Без всякой вины.

И гнали на плаху,
Тащили в тюрьму,
Покорствуя страху
В душе своему.

Наш спор — не церковный
О возрасте книг,
Наш спор — не духовный
О пользе вериг.

Наш спор — о свободе,
О праве дышать,
О воле господней
Вязать и решать.

И аз, непокорный,
Читая псалтырь,

В Андроньевский чернѣй
Пришел монастырь.

Я был еще молод
И все перенес:
Побои, и голод,
И светскій допрос.

Там ангел крылами
От стражи закрыл
И хлебом со щами
Меня накормил.

Я, подвиг приемля,
Шагнул за порог;
В Даурскую землю
Ушел на восток.

Мне выжгли морозом
Клеймо на щеке,
Мне вырвали ноздри
На горной реке.

Настасья, Настасья,
Терпи и не плачь:
Не всякое счастье
В оде́же удач.

Не слушай соблазна,
Что бьется в груди,
От казни до казни
Спокойно иди.

Здесь птичьего пеня
Никто не слышал,
Здесь учат терпению
И мудрости скал.

Я — узник темничный:
Четырнадцать лет
Я знал лишь брусничный
Единственный цвет.

Но то не нелепость,
Не сон бытия,
Душевная крепость
И воля моя.

Закованным шагом
Ведут далеко,
Но иго мне — благо
И бремя легко.

Серебряной пылью
Мой след занесен,
На огненных крыльях
Я в небо внесен.

Тебе обещаю,
Далекая Русь,
Врагам не прощая,
Я с неба вернусь.

Пускай я осмеян
И предан костру,

Пусть прах мой развеян
На горном ветру.

Нет участи слаще,
Желанней конца,
Чем пепел, стучащий
В людские сердца.

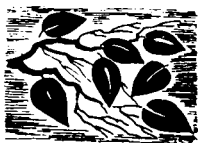
* * *

Не спеши увеличить запас
Занесенных в тетрадь впечатлений,
Не лови ускользающих фраз
И пустых не веди наблюдений.

Не ищи, по следам не ходи,
Занимайся любой работой,—
Сердце сразу забьется в груди,
Если встретится важное что-то.

Наша память способна сама
Привести в безупречный порядок,
Все доставить тебе для письма,
Положить на страницы тетрадок.

Не смутись,— может быть, через год
Пригодится такая обнова —
Вдруг раскроется дверь и войдет
Долгожданное важное слово.

* * *

Стихи — это стигматы,
Чужих страданий след,
Свидетельство расплаты
За всех людей, поэт.

Искать спасенья будут
Или поверят в рай,
Простят или забудут...
А ты — не забывай.

Ты должен вечно видеть
Чужих страданий свет,
Любить и ненавидеть
За всех людей, поэт.

ГАРИБАЛЬДИ В ЛОНДОНЕ

(Речь на завтраке у лорд-мэра)

Благодарю, благодарю за честь...
Прошу прощения — я должен сесть.

Нога болит от раны пулевой,
И каждый мускул будто неживой...

Я выслушал приветственную речь
И вижу ваш подарок: это — меч!

Подарком этим я немало удивлен:
Ведь я не Цезарь, не Наполеон.

Я не люблю военных ремесло —
Профессию, рождающую зло.

Простой крестьянин, а не генерал,
За дом родной я нынче воевал.

Бандиты ворвались в отцовский дом,
И я судил их собственным судом,—

Снял со стены охотничье ружье,
Чтоб счастье жизни защитить свое...

Был в перестрелке, кажется, убит
Ворвавшийся в отцовский дом бандит.

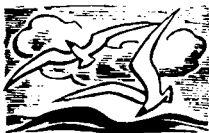
Я не считал моих побед и бед
На протяжении многих тяжких лет...

Рубаха красная, надетая на мне,
Не знак пожара, не призыв к войне.

Ведь в этот алый цвет всегда одет
Крестьянской жизни трудовой рассвет.

Прошу прощенья, дамы, господа,
Я не солдат, я человек труда.

Вся жизнь моя — прямой тому пример.
Здоровье ваше, господин лорд-мэр!

ЖЕСТ

Нет, мне вовсе не нужен язык,
Мне для речи достаточно рук,
Выражать я руками привык
И смятенье, и гнев, и испуг.

Там в лесу меня всякий поймет.
Речь, как птица, сидит на руке.
Взмах ладони и смелый полет —
Лгать нельзя на таком языке.

Этот жест — первобытный язык,
Изложение чувств дикаря, —
Резче слова, мучительней книг,
И научен я жесту не зря.

И понятны мне взмахи ветвей,
Содроганье столетних стволов, —
Повесть леса о жизни своей
Без прикрас, без двусмысленных слов.

СОСНА В БОЛОТЕ

Бог наказал сосну за что-то
И сбросил со скалы,
Она обрушилась в болото
Среди холодной мглы.

Она, живая вполовину,
Едва сдержала вздох,
Ее затягивала тина,
Сырой багровый мох.

Она не смела распрямиться,
Вцепиться в щели скал,
А ветер — тот, что был убийцей,—
Ей руку тихо жал.

Еще живую жал ей руку,
Хотел, чтобы она
Благодарила за науку,
Пока была видна.

СЛАВОСЛОВИЕ СОБАКАМ

1

Много знаю я собак —
Романтических дворняг:

Пресловутая Муму
С детства спит в моем дому,

Сердобольная Каштанка
Меня будит спозаранку,

А излюбленная Жучка
У дверной танцует ручки,

И показывает удаль
Знаменитый Белый пудель...

Много знаю я и прочих
Сеттеров, борзых и гончих.

Их Тургенев и Толстой
Приводили в лес густой...

2

Скоро я моих друзей
Поведу в большой музей;

В зал такой открою двери,
Где живут Чукотки звери.

Там приземистый медведь
Может громко зареветь.

Там при взгляде росомахи
Шевелится шерсть от страха.

Там лиса стального цвета —
Будто краски рыжей нету,

И хитрющая лиса
Окунулась в небеса.

Рысь защелкает когтями
Над собаками-гостями,

И зловещ рысиный шелк,
И его боится волк.

Что ж к дверям вы сбились в кучку
И попрятались за Жучку,

Мои милые друзья,
Не слышавшие ружья?

Вы привыкли к детской соске,
Вы, слюнявые барбоски!

Напугает тот музей
Моих маленьких друзей.

3

Где же те, что в этом мире,
Как в своей живут квартире,

Где же псы сторожевые,
Где упряжки ездовые,

Почтальоны, ящики
И разведчики тайги,

Что по каменным карьерам
Без дорог летят карьером?

Задыхаясь от пурги
Среди воющей тайги,

Полумертвые от бега,
Закусили свежим снегом

И опять в далекий путь,
Намозоля ремнем грудь,

Вы, рожденные в сугробах,—
Вам сугробы были гробом.

И метель, визжа от злости,
Разметала ваши кости.

Вы торосистыми льдами
Шли медвежьими следами,

Растирая лапы в кровь,
Воскресая вновь и вновь,

Никогда вы не видали
На груди своей медали.

Ведь на полюс раньше Пири
Первой в мире, первой в мире

Добрела его собака,
Неизвестная однако.

Кто почтил похвальным словом
Псов Георгия Седова?

Их, свидетелей трагедий,
Съели белые медведи.

Сколько их тащило нарты —
Курс на норд по рваной карте —

В ледяных полях полярных,
Запряженные попарно!

И в урочищах бесплодных
Сколько их брело голодных,

Битых палками в пути!
Где могилы их найти?

4

Сколько раз я, замирая,
Сам пути себе не зная,
Потеряв и след, и свет,

Выходил на звуки лая,
Чтоб моя тропа земная,
Стежка горестей и бед,

В том лесу не обрывалась,
Чтобы силы оставалось
У меня на много лет.

ЧЕРНАЯ БАБОЧКА

В чернила бабочка упала —
Воздушный, светлый, жданный гость.
И цветом черного металла
Она пропитана насквозь.

Я привязал ее за нитку,
И целый вечер у стола
Она трещала, как зенитка,
Остановиться не могла.

И столько было черной злости
В ее шумливой стрекотне,
Как будто ей сломали кости
У той чернильницы на дне.

И мне казалось: непременно
Она сердиться так должна
Не потому, что стала пленной,
Что крепко вымокла она,

А потому, что, черным цветом
Свое окрасив существо,
Она не смеет рваться к свету
И с ним доказывать родство.

ХРУСТАЛЬ

Хрупка хрустальная посуда,
Узорный рыцарский бокал,
Что, извлеченный из-под спуда,
Резьбой старинной заблистал.

Стекло звенит от колыханья,
Его волнуют пустяки —
То учащенное дыханье,
То неуверенность руки.

Весь мир от шепота до грома
Хотел бы высказаться в нем,
Хотел бы в нем рыдать, как дома,
И о чужом и о своем.

Оно звенит, стекло живое,
И может вырваться из рук,
И отвечает громче вдвое
На приглушенный сердца стук.

Одно неверное движенье —
Мир разобьется на куски.
И долгим стоном пораженья
Ему откликнутся стихи.

Мы там на цыпочках проходим,
Где счастье дышит и звенит.
Мы дружбу с ангелом заводим,
Который прошлое хранит.

Как будто дело все в раскопках,
Как будто небо и земля
Еще не слыхивали робких,
Звонящих жалоб хрусталя.

И будто эхо подземелий
Звучит в отчищенном стекле,
И будто гул лесной метели
На нашем праздничном столе.

А может быть, ему обещан
Покой, и только тишина
Из-за его глубоких трещин
Стеклу тревожному нужна.

НА ОГОРОДЕ

Исполинской каплей крови
Набухает помидор,
Лисьи мордочки моркови
Свесились через забор.

И подтягивает стропы
Парашютный батальон —
Боевой десант укропа,
Что на грядках приземлен.

Брошен ворох листьев свеклы,
Точно бычьих языков,
На давно не мытых стеклах
Приоткрытых парников.

Подорожник бьет в ладоши,
Мак ударил в бубенцы,
Ходят в крокодильей коже
Молодые огурцы.

Веет день медовым духом,
Вьется тополиный пух,
И своим слоновьим ухом
Землю слушает лопух...

Только для чертополоха
Нет дороги в огород,
Говорят: не та эпоха —
И выводят из ворот.

* * *

Хрустели кости у кустов,
И пепел листьев и цветов
Посеребрил округу,

А то, что не пошло на слом,
Толкало ветром и огнем
В объятия друг другу.

Мне даже в детстве было жаль
Лесную выжженную даль.
И черный след пожара

Всегда тревожит сердце мне,
Причиной может быть вполне
Сердечного удара.

Когда деревья-мертвецы
Переплетались, как борцы
На цирковой арене,—

Под черным шелковым трико
Их мышцы дыбились клубком,
Застыв в оцепененье.

И мне казалось, что они
Еще вернутся в наши дни
Во всей зеленой силе,

Что это только миг, момент
Они стоят как монумент
На собственной могиле.

Что глубоко в земле, в корнях,
Живет мечта о новых днях,
Густеют жизни соки,

И вновь в лесу, что был сожжен,
Сомкнутся изумруды крон,
Поднявшихся высоко.

* * *

Костер сгорел дотла,
И там, где было пламя,—
Лиловая зола
Остужена камнями.

Зола добра и зла,
Исписанной бумаги,
Лишенная тепла,
Сметенная в овраги...

* * *

Меня застрелят на границе,
Границе совести моей,
И кровь моя зальет страницы,
Что так тревожили друзей.

Когда теряется дорога
Среди щетинящихся гор,
Друзья прощают слишком много,
Выносят мягкий приговор.

Но есть посты сторожевые
На службе собственной мечты,
Они следят сквозь вековые
Ущербы, боли и тщеты.

Пусть незаметно, малодушно
Я к страшной зоне подойду.
Стрелки прицелятся послушно,
Пока я буду на виду.

Когда войду в такую зону
Непоэтической страны,
Они поступят по закону,
Закону нашей стороны.

И чтоб короче были муки,
Чтоб умереть наверняка,
Я отдан в собственные руки,
Как в руки лучшего стрелка.

РОЯЛЬ

Видны царапины рояля
На желтом крашеном полу:
Наверно, двери растворяли,
Ворочали рояль в углу.

И он царапался когтями
И, очевидно, изнемог
В борьбе с незваными гостями,
Перешагнувшими порог.

И вот он вытасчен наружу,
Поставлен где-то у стены.
Рояль — беззвучное оружие
Необычайной тишины.

И все сейчас во власти вести,
Все ждут подобья чудесам —
Ведь здесь на том, рояльном, месте
Дух музыки почует сам.

* * *

Я сделаю чучело птицы
Такое, чтоб рвалось вперед,
Умело бы жить и стремиться
В высокий небесный полет.

Чтоб проволока стальная
Крепила надежно крыло.
Не старясь и не линяя,
Крыло бы себя берегло.

И, кости железом расправя,
Без возраста и судьбы,
Волшебная птица вправе
Летящей, бегущей быть.

Причесанное оперенье
С кусочком резины в хвосте
Пригодно вполне для паренья
На ангельской высоте.

Мешок этой сморщенной кожи
Пришлось поплотнее набить,
Чтоб было на птицу похоже,
Что птицей готовилось быть.

Останутся пух и перья
От тех, от взаправдашних дней,
Затем чтобы вызвать доверье
И даже сочувствие к ней.

Останется чуточку мозга
Для памяти и ума,
Затем чтобы рано иль поздно
Во всем разобралась сама.

Но крови не будет ни капли
В бечевочных жилах ее,
И мускулы птичьи — пакля,
Набитое в шкуру тряпье.

Подвел только зрения орган:
Крученная в шарик смола
От солнца иль от восторга
Вдруг черной слезой потекла.

И вытекли птицы глазницы,
Но даже слепая — она
Хотела б в полет устремиться
С распахнутого окна.

Ей ветер поддерживал крылья,
Подняться она не могла.

И были напрасны усилья
Ее оторвать от стола.

Своим ироническим клювом
Она обернулась ко мне,
Надеясь, что скептики-люди
Ее понимают вполне...

Печальную эту игрушку —
Подобие жизни моей —
Тебе подарю я, подружка,
Но только смеяться не смей.

* * *

Будто выбитая градом,
Искалечена трава.
Вытоптана зелень сада
И едва-едва жива.

На крылечные ступени
Разбросали каблуки
Ветки сломанной сирени,
Глиняные черепки...

И последняя расплата,
Послесловье суеты:
Шорох киноаппарата,
Жестяных венков цветы...

* * *

О тебе мы судим разное,
Или этот емкий стих
Только повод для соблазна,
Для соблазна малых сих.

Или он пути планетам
Намечает в той ночи,
Что возносится над светом
Догорающей свечи.

Может, в облике телесном,
В коже, мышцах и крови
Показалось слишком тесно
Человеческой любви.

Может, пыл иносказанья
И скрывает тот секрет
Прометеева страданья,
Зажигающего свет.

Может быть, тому порукой
Был огарок восковой,
Осветивший столько муки,
Столько боли вековой.

* * *

Не линия и не рисунок,
А только цвет
Расскажут про лиловый сумрак,
Вечерний свет.

И вот художника картины
Со стен квартир
Звучали как пароль единый
На целый мир.

И слепок каменной химеры
Дрожал в руке,
Чтоб утвердился камень веры
В моей строке.

* * *

Б. Пастернаку

От кухни и передней
По самый горизонт
Идет ремонт последний,
Последний мой ремонт.

Не будет в жизни боле
Строительных контор,
Починки старой боли,
Крепления опор.

Моя архитектура
От шкуры до нутра
Во власти штукатура,
Под иглом маляра.

И плотничьи заплаты
На рубище певца —
Свидетельство расплаты
С судьбою до конца.

От кухни и передней
По самый горизонт
Идет ремонт последний,
Последний мой ремонт.

* * *

Выщербленная лира,
Кошачья колыбель,—
Это моя квартира,
Шиллеровская щель.

Здесь нашу честь и место
В мире людей и зверей
Оберегаем вместе
С черною кошкой моей.

Кошке — фанерный ящик,
Мне — колченогий стол.
Клочья стихов шуршащих
Снегом покрыли пол.

Кошка по имени Муха
Точит карандаши,
Вся — напряженье слуха
В темной квартирной тиши.

* * *

Куда идут пути-дороги!
Зачем мне хочется сейчас,
Не вытирая вовсе ноги,
Войти в чащобу, не стучась.

В тот лес, пейзажами набитый
И птичьей грубой воркотней,
Так невнимательно укрытой
Неразговорчивой листвой.

Меня бы там отобразило
Кривое зеркало ручья,
Чтоб всей лесной могучей силе
До гроба был покорен я.

И, может быть, для славы вящей
Невзрачных синеньких цветов
С опушек нашей русской чащи
Я проповедовать готов.

Я сам найду свои границы,
Не споря, собственно, ни с кем.
В искусстве незачем тесниться:
В искусстве места хватит всем.

* * *

Еще в детстве, спозаранку
В придорожном ивняке
Нам кукушка, как цыганка,
Погадала по руке.

Нынче эхо — не кукушка —
В ледяном лесу живет
И пророчит на опушке
Для прохожих круглый год.

И вокруг — оцепененье
Напряженной тишины,
Ненавидящей движенье,
Нарушающее сны.

Каждый звук, предельно точен
И как детский мяч упруг,
В хрустале лесных обочин
Вырывается из рук.

Каждый звук предельно звонок
И опасен для людских
Барабанных перепонок,
Ненадежных, городских.

НАД СТАРЫМИ ТЕТРАДЯМИ

Выгорает бумага,
Обращаются в пыль
Гордость, воля, отвага,
Сила, сказка и быль.

Радость точного слова,
Завершенье труда,—
Распылиться готова
И пропасть без следа.

Сколько было забыто
На коротком веку,
Сколько грозных событий
Сотрясало строку...

А тетрадка хранила
Столько бед, столько лет...
Выгорают чернила,
Попадая на свет

Вытекающей кровью
Из слабеющих вен:
Страстью, гневом, любовью,
Обращенными в тлен.

* * *

Не старость, нет,— все та же юность
Кидает лодку в валуны
И кружит в кружеве бурунов
На гребне выгнутой волны.

И развевающийся парус,
Как крылья чайки, волны бьет,
И прежней молодости ярость
Меня бросает все вперед.

Огонь, а не окаменелость
В рисунке моего герба,—
Такой сейчас вступает в зрелость
Моя горящая судьба.

Ее и годы не остудят,
И не остудят горы льда,
У ней и старости не будет,
По-видимому, никогда...

СОДЕРЖАНИЕ

«Я вовсе не бежал в природу...»	5
Поэзии	6
Кристаллы	8
«В дожде сплетают нити света...»	10
Круговорот	11
«Я иду, отражаясь в глазах москвичей...»	12
«Когда после разлуки...»	13
«Не удержал усилием пера...»	15
Тропа	16
«Вот солнце в лесной глухомани...»	18
Стихи в честь сосны	19
«Он пальцы замерзшие греет...»	22
«Я сегодня очень рад...»	23
«Я, как рыба, плыву по ночам...»	25
«Модница ты, модница...»	27
«Цветка иссушенное тело..»	29
«У деревьев нет уродов...»	30
Стланик	31
«Когда рождается метель...»	33
Неизвестная гора	34

«Высоки, текучи, глубоки...»	35
Баратынский	36
«Зелень пьет лучи все лето...»	38
Бивень	39
Отвес	41
Нерест	42
Горный водопад	44
Раковина	46
«Ведь мы не просто дети...»	47
Некоторые свойства рифмы	48
О песне	51
Прямой наводкой	56
«Осенний воздух чист...»	58
«Он чувствует события кожей...»	59
«Загостившаяся совесть...»	60
Лицо	62
Алхимик	64
Арбалет	65
«Взад-вперед между кручами...»	66
«Я под облачной грядюю...»	67
«Я думаю все время об одном...»	68
«Кровь солона, как вода океана...»	69
«Я не лекарственные травы...»	70
«Незащищенность бытия...»	71
Притча о вписанном круге	72
«Как гимнаст свое упражнечие...»	74
Духовой оркестр	75
Суриков. Утро стрелецкой казни	78
Аввакум в Пустозерске	80
«Не спеши увеличить запас...»	85
«Стихи — это стигматы...»	86
Гарibaldi в Лондоне	87

Жест	89
Сосна в болоте	90
Славословие собакам	91
Черная бабочка	96
Хрусталь	98
На огороде	100
«Хрустели кости у кустов...»	102
«Костер сгорел дотла...»	104
«Меня застрелят на границе...»	105
Рояль	107
«Я сделаю чучело птицы...»	108
«Будто выбитая градом...»	111
«О тебе мы судим разно...»	112
«Не линия и не рисунок..»	114
«От кухни и передней...»	115
«Выщербленная лира...»	117
«Куда идут пути-дороги...»	118
«Еще в детстве, спозаранку..»	120
Над старыми тетрадами	122
«Не старость, нет,—все та же юность...»	124

Шаламов Варлам Тихонович

ДОРОГА И СУДЬБА

М., «Советский писатель», 1967 г. 128 стр.
Тем. план выпуска 1967 г. № 206

Редактор *В. С. Фозельсон*
Худож. редактор *В. В. Мелведев*
Техн. редактор *А. И. Мордовина*
Корректор *Л. В. Кривякина*

*

Сдано в набор 23/XII 1966 г.
Подписано к печати 28/III 1967 г.
А 01457 Бумага 70×108¹/₃₂ № 1
Тираж 10 000 экз. Заказ № 9
Печ. л. 4(5,6) Уч.-изд. л. 3,26
Цена 23 коп.

*

Издательство «Советский писатель»,
Москва К-9, Б. Гиздниковский пер., 10

Тульская типография
Главполиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров СССР
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109